

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР
и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 9 || 28 ФЕВРАЛЯ || ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО || 1942 ГОД || Цена 45 коп.

ОНИ НЕНАВИДЯТ ЧЕХОВА

В 1908 году в германском курорте Баденвейлер, где за четыре года перед тем скончался Антон Павлович Чехов, стараниями Московского Художественного театра был воздвигнут бронзовый бюст великого русского писателя. В первые же дни войны 1914 года памятник этот был разрушен духовными предками Гитлера и Геббельса, а металл бюста пущен на военные надобности.

Не так давно при отступлении от Москвы фашисты в бессильной ярости разрушили на Истре дом, в котором жил Чехов.

Вскоре после этого была опубликована нота В. М. Молотова от 6 января 1942 года, в которой, между прочим, указывалось, что «среди других вандализски разрушенных и оскверненных немцами памятников культуры народов СССР» находился также «дом всемирно известного русского писателя Чехова в Таганроге».

За что такая упорная и последовательная ненависть? Ведь Чехов был только художником. Единственное, что он делал до последних дней своей жизни, — это правдиво изображал окружающую русскую жизнь. Чем же в таком случае вызвана эта мстительная ярость фашистов к памяти нашего художника? Уж не «случайны» ли эти факты разрушения памятников, связанных с его именем?

Нет! Того, кто распознал подлинную природу фашизма и кто, с другой стороны, понял мечту, которую Чехов лелеял всю жизнь, и основной смысл творческой работы, которую он выполнял, — того ненависть фашизма к памяти Чехова не удивит нисколько.

Чехов сейчас своими произведениями убийственно обличает фашистов. Когда Гитлер изрекает: «Человек грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны любые методы», — то разве сразу же не приходят на память хорошо знакомые чеховские афоризмы, чеховские «герои»? Разве это не то же самое, что: «Заяц, ежели его бить, будет спички зажигать»? Разве это не «философия» пресловутого унтера Пришибеева? И разве вообще Гитлер не есть тот же бравый унтер, с той лишь разницей, что Пришибеев удовлетворился бы ролью властелина над небольшой деревней, в то время как его немецкий духовный наследник мечтает привести в покорное оцепенение весь земной шар.

Представим себе какого-нибудь фашистского обер-лейтенанта, читающего «Дочь Альбиона». Да ведь он почувствует себя кровно оскорбленным как раз в своих фашистских чувствах! Какой гнев вызовет в нем сатирическое изображение «цивилизованного» дикаря-помещика, бесстыдно заголившегося перед женщиной, потому что она иностранка. Ведь этот помещик — его духовный брат, ведь и сам он, бравый обер-лейтенант, смотрит из всех женщин-иностранок, как на утеху германских офицеров и солдат.

Разве иначе, как с горячим одобрением, может отнестись читатель-фашист к полицейскому чину в «Хамелеоне»? Ведь вся система фашистского воспитания только к тому и сводится, чтобы выдрессировать человека в обезьяну, слепо повторяющую каждое движение «фюрера», в попугая, механически долбящего изречения Геббельса. С точки зрения фашиста этот Очумелов — золотой человеческий «материал», а Чехов заклеил его кличкой «хамелеон».

Подобного рода противопоставления, пишу для которых дают, с одной стороны, произведения Чехова, с другой — теория и практика фашизма, — можно делать без конца. И смысл их — один: Чехов — это воплощение независимости человеческой мысли; фашизм — это превращение человека в автомата. Чехов в одном письме говорит: «Я ненавижу ложь и насилие во всех его видах». Гитлер говорит: «Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать». Чехов своими произведениями обращался к разуму и совести человека, требуя от него прежде всего — справедливости. Гитлер пишет: «Я освобождаю человека от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека». Содержание той громадной воспитательной творческой работы, которую совершал Чехов, сам он формулировал, как «выдавливание по

каплям раба». Содержание того процесса, которому фашизм подвергает каждого человека своей или чужой захваченной страны, точно формулируется словами: «Превращение человека в раба».

И не подлежит ни малейшему сомнению, что не только отдельные чеховские образы или отдельные рассказы заключают в себе некий острый состав, раз'едающий фашистскую «идеологию», но что книги Чехова в целом создают атмосферу поистине губительную для фашизма. Каждая строчка этих книг посвящена единственному культу: культу человеческого достоинства. И о чем бы Чехов ни писал, он непрестанно напоминал своему читателю: «Жизнь такова, как она здесь изображена, но она не должна быть такою». И острое ощущение, которое выносил до-революционный читатель чеховских книг, было то самое, которое в душах своих сограждан порождал знаменитый Беликов, «человек в футляре»: «Видеть и слышать, как лгут и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, унижения, не смея открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, — нет, больше жить так невозможно!»

Но разве в том, кто в самой Германии еще не снизошел до черной тупости обнаглевшего раба, страницы Чехова не пробудят тех же мыслей, не оживят тех же чувств?

Разве не опасно дать такому читателю книги, которые внятно ему скажут: Ты посажен в «палату № 6», ты жалкий раб, ты недостойн звания «человек», если миришься с гитлеризмом. Ты позволил своей стране, родившей Бетховена и Гете, распластаться в прахе перед взбесившимся выродком, перед опьяневшим от крови дегенератом. Встань и скажи: «Больше жить так невозможно!»

Нет, не случайно разрушены памятник Чехову в Баденвейлере, дом в Истре, дом в Таганроге. Совершенно последовательно будет со стороны фашистов кинуть в тот же костер, на котором пылают книги Толстого, Гейне, Ромэн Роллана, Горького, также и книги Чехова. Нет, не случайно преследуют гитлеровцы память Чехова. Для них это очень опасный писатель. Потому что правда — стихия Чехова. А всякая правда для фашизма — смерть!